

А.Н. КУЗИН

КОММУНИКАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ СВЯЗНОСТЬ И ИЛЛОКУТИВНАЯ ТАКТИКА ВОПРОСНО-ОТВЕТНОГО ДИАЛОГА

Рассматриваются коммуникативно ориентированные связи реплик в вопросно-ответном диалоге в их отношении к иллокутивным тактикам участников общения. Показано, что иллокутивные тактики коммуникантов и развертывание диалога зависят от непроизносимых, но известных говорящим конвенций речевой практики.

The article deals with conversationally oriented coherence in a question-and-answer type of dialogue and its relation to illocutionary tactics. It has been shown that illocutionary tactics and unrolling of any given dialogue are determined by unpronounced conventions of speech practice.

1. Молчаливые конвенции общения и эксплицитные диалогические реплики. Цель работы - показать обусловленность прагматической связности диалогического текста наличием «немых», неартикулируемых речевых конвенций, которые говорящие принимают по умолчанию. Подразумеваемый смысл выражается в скрытой иллокутивной функции высказывания, которая почти всегда подавляет дословную интерпретацию речевого акта. Два иллокутивных плана высказывания - эксплицитный и имплицитный - неравноценны в иерархическом отношении, поскольку реакция на прямо выраженный коммуникативный стимул высказывания в большинстве случаев недостаточна, и, напротив, ответ на имплицитный иллокутивный смысл автоматически является ответом на обе выраженные в комплексном речевом акте иллокуции. Связи реплик в вопросно-ответном диалоге далее рассматриваются по отношению к кооперативным и некооперативным речевым ходам, а также иллокутивной тактике диалога, которая определяется посредством соотношения количества реплик к цели диалогического обмена.

2. Связь реплик в диалоге. Диалог детерминруется типами связей, устанавливаемых между репликами. Исследователи обычно различают два типа связности диалогического текста: 1) семантическую связность (разные виды семантических повторов, эллипс, субституция, связи с помощью синтаксических показателей и т. д.) и 2) коммуникативно ориентированную, или прагматическую, связность, т. е. «смысловую соотнесенность реплик, притом, что диалогическая реакция нарушает программу диалога» (Арутюнова 1999, 653), например, тогда, когда за вопросом следует встречный вопрос, за просьбой - упрек и т. п. (см. Падучева 1982, 306; Арутюнова 1999, 643-660).

Е.В. Падучева выделяет четыре вида коммуникативно ориентированных связей. Во-первых, согласованность реплик по иллюкутивной функции, при которой за вопросом следует ответ, за упреком - оправдание, за утверждением - уточняющий вопрос и т. д. Вопросы о причинах или основаниях просьбы или приказа часто понимаются как акты, выражающие отказ, благодаря тому, что естественной реакцией на директив наряду с согласием является именно отказ, но не вопрос: А. *Обождите!* В. *Чего ждать?*; А. *Поезжай в город!* В. *Чего я там не видел?* (Падучева 1982, 306-307).

Второй класс прагматических связей в диалоге присутствует тогда, когда ответная реплика обращена на условия успешности сопряженного речевого акта, а не на его содержание, как в случае семантических связей. В вопросно-ответном единстве вторая реплика может быть направлена на условие искренности речевого акта вопроса, подразумевающее, что спрашивающий хочет знать ответ: А. *Где ты был?* В. *А тебе интересно?* Тем самым отвечающий отрицает, что это «настоящий», искренний вопрос, а не упрек, например. В ответной реплике также может ставиться под сомнение неосведомленность спрашивающего: А. *Ты поедешь?* В. *Ты еще спрашиваешь?*, выражение которой «равносильно заявлению о неуместности <...> вопроса» (Падучева 1982, 309). Отвечающий также может оспорить предположение спрашивающего о том, что он владеет запрашиваемой информацией: А. *Почему он прицепился именно к вашей машине?* В. *Вы меня об этом спрашиваете?* (Падучева 1982, 309).

Третий тип коммуникативно ориентированной связности может основываться на обращении к презумпции предшествующего высказывания: А. *Выпьешь еще чаю?* В. *Еще? Я еще ничего не пила* (Падучева 1982, 309). Такие реакции могут уточнять предмет или тему сообщения (*Ты о ком это?*) или выяснять референцию дейктических слов (*Где это «там»?*) (Арутюнова 1999, 653, 676).

Четвертый вид характеризуется тем, что диалогическая связность может основываться на имплицатурах дискурса: А. *Вы не забыли того, что я вам сказал?* В. *Я никогда не забываю того, что мне говорят* (= «следовательно, и сейчас не забыл») (Падучева 1982, 310).

К специфике диалога как вида дискурса принадлежит его относительная независимость от семантических связей между репликами и опора на неявные допущения, которые очень редко эксплицируются. Так, в следующих двух примерах вопросно-ответных обменов, к примеру, только высказывания в первом диалоге связаны семантическим отношением:

1. А: *Can you go to Edinburgh tomorrow?* В: *Yes, I can.*

[А: *Вы сможете завтра полететь в Эдинбург?* В: *Да, смогу*]

2. А: *Can you go to Edinburgh tomorrow?* В: *Pilots are on strike.*

[А: *Вы сможете завтра полететь в Эдинбург?* В: *Летчики бастуют*]

Более того, существуют типы речевых действий, которые, чтобы быть успешными, должны нарушать естественную связь между двумя высказываниями. Например, церемония бракосочетания в Великобритании включает высказывания в форме общих вопросов *Do you take this woman...?*, однако простой ответ *yes*, в отличие от формального / *do*, не является приемлемым (см. Coulthard 1977, 13).

Отметим, однако, что содержательная связь реплик в диалоге обеспечивается целым рядом знаков, которые Ш. Балли называет «немыми» или «неартикулируемыми» (Балли [1944] 1955, 52). Наиболее важными для интерпретации коммуникативно ориентированных связей между репликами диалога являются ситуативные знаки, т. е. а) «вещи, существа, движения, события, воспринимаемые нашими чувствами в момент, когда мы говорим» и б) «все известные собеседникам обстоятельства, которые могут послу-

жить мотивом для их разговора» (Балли [1944] 1955, 52). Помимо этого, к неэксплицируемым знакам, участвующим в интерпретации реплик собеседника коммуникантами, должны быть отнесены знания о речевых конвенциях и жанровых особенностях того или иного типа общения.

3. Коммуникативно ориентированная связность вопросно-ответного диалога. Прагматические связи диалогического текста являются необходимыми в том случае, если инициальная реплика в диалогическом комплексе представляет собой гибридный речевой акт, т. е. такое высказывание, которое совмещает две или более иллокутивные функции. В таких комплексных речевых актах одна из функций эксплицитна и выражена структурно-семантическим типом предложения или его эквивалентом, а вторая только подразумевается. В вопросительных высказываниях могут совмещаться как интеррогативная иллокуция с неинтеррогативной, так и две интеррогативные иллокутивные функции. В последнем случае получается своеобразный «вопрос-матрешка», т. е. вопрос в вопросе. Так, некоторые по форме общие вопросы в действительности предполагаются говорящим для запроса конкретной информации: *Здесь есть поблизости банк? (Где?); Далеко собрался? (Куда?); Много тебе платят? (Сколько?); А я? (А как насчет меня?; А что мне делать?)* (Арутюнова 1976, 286; Падучева 1985, 232; Голубева-Монаткина 2005, 9). Такие вопросы называются «крипточастными» или «квазиспециальными» (см. Падучева 1985, 232; Булыгина, Шмелев 1992, 115-116; Голубева-Монаткина 2005, 9), так как вопросительное слово присутствует в них имплицитно. Приведенный пример можно назвать полными крипточастными вопросами, так как и ответ *да*, и ответ *нет* одинаково недостаточно информативны.

Частичными крипточастными вопросами являются высказывания, в которых вопрос относится к однозначно выраженной интонацией рематической составляющей, напр.: *Ты завтра едешь в Вену?; Ты едешь в Вену поездом?; Ты завтра едешь в Вену?* [разрядкой выделена интонируемая рема] (Кифер 1985, 347). В этом случае простой ответ *Нет* неуместен, так как данные вопросы содержат два когнитивных стимула - эксплицитный и имплицитный. Имплицитный интеррогативный смысл выражается в форме следующих вопросов соответственно: *Когда ты едешь в Вену?; Каким видом транспорта ты едешь в Вену?; Куда ты завтра едешь?* (Кифер 1985, 346-347).

Неполные крипточастные вопросы предполагают развернутые ответные реплики, содержащие развитие темы, спецификацию деталей, объяснение и т. п. Так, в вопросно-ответных парах, открываемых неместоименным специфицирующим вопросом, краткий отрицательный ответ создает впечатление незаконченности: - *Женя уехала в Париж?* - *Нет* (Йокояма [1986] 2005, 141). Напротив, следующий обмен репликами будет незаконченным в случае положительного ответа, так как такой ответ просто подтверждает то исходное предположение, которое и так уже содержалось в вопросе: - *С Женей что-то случилось?* - *Да* (Йокояма [1986] 2005, 151). Незаконченность вопросно-ответной пары характерна и для тех ответных реплик, которые явным образом нарушают ожидания адресата, выраженные посредством модальности предположительности: - *Ваш брат, наверное, таксист?* - *Нет* (Булыгина, Шмелев 1992, 115-116). Модальность предположительности, таким образом, определяет не только характер ответной реплики, но и ее информационное содержание.

Для подобных двойных вопросов характерен коммуникативный приоритет имплицитной иллокутивной функции, ответ на которую достаточен для кооперативного развития диалога. Иерархическое соположение коммуникативных стимулов присутствует не только при имплицитном, но и при эксплицитном совмещении двух вопросов, особенно в тех случаях, когда ввод-

ная часть содержит экспликацию модуса говорящего или плеонастическое описание совершаемого речевого акта, напр.: *Ты понимаешь, как/куда/зачем/...?*; *Ты думаешь, что...?*; *Могу я спросить...?* Вводная часть может подавляться, и ответ на нее необязателен. В данном случае модус как бы «прозрачен», т. е. обращение к пропозициональной установке собеседника не имеет целью подтверждение интенционального состояния адресата. Прозрачность модуса также характерна для встречных вопросов, выражающих недоверие или сомнение в отношении предыдущей реплики, таких как *Вы/ты так думаете/шь?*; *Вы/ты так считаете/шь?* Приведенные примеры также представляют собой крипточастные вопросы, так как предполагают доводы, объяснения, обоснования точки зрения автора стимульного высказывания.

Приоритет коммуникативно ориентированной связи реплик перед семантической также очевиден при совмещении интеррогативной иллокутивной функции с неинтеррогативной. Так, вопрос-просьба требует не только ответа, но и запарашиваемого действия, как правило, невербального. Более того, отказ от выполнения просьбы почти всегда нужно мотивировать. Дословная интерпретация косвенных речевых актов обычно некооперативна и может использоваться говорящим как своеобразная речевая тактика разрушения коммуникативной интенции собеседника, напр.: А. *Вы не хотите рассказать о своем детстве?* Б. *Не хочу.*

4. Принцип кооперации и иллокутивная тактика вопросно-ответного диалога. Диалог в идеале подчинен принципу кооперации, т. е. той общей цели, которую признает каждый из участников общения (Грайс 1986, 221-222). Принцип кооперации включает несколько максим, которым следуют идеальные коммуниканты. Максимумы количества «говори не больше и не меньше необходимого»; способа «говори ясно»; релевантности «не отклоняйся от темы» и отношения «не лги» (см. Грайс 1986). Максимумы обязательны для любого типа общения. Их нарушение указывает на то, что высказывание получает дополнительные значения, выражаемые в имплицатурах речевого общения, т. е. в компонентах содержания высказывания, которые дополнительны по отношению к его буквальному значению.

Принцип кооперации описывает некий идеальный процесс коммуникации, который на самом деле далеко не всегда имеет место. Идеальный диалог предполагает общую цель участников общения. В действительности же каждый из участников диалога часто преследует свою собственную цель, которая может не совпадать и даже быть диаметрально противоположной по отношению к цели собеседника. В. Дресслер замечает, что единый, проходящий сквозь «языковую память» партнеров диалогический текст раздваивается на тексты, которые «не обязательно будут идентичны из-за недостатков <...> языкового исполнения, внимания, из-за неправильного понимания, особенностей слуха, семантической неоднозначности» (Дресслер 1978, 130). К тому же диалог как произведение двух разных людей, которые никогда не могут быть полностью схожи между собой, всегда намного более конфликтен, чем монологический текст. Язык в диалоге - не только средство общения, но и орудие борьбы. По замечанию М.М. Бахтина «бесконфликтность <...> разлагает диалог» (Бахтин 1997, 209).

Почти всегда можно говорить не об одной, а о нескольких задачах собеседников, которые могут меняться на протяжении диалога, причем в какие-то моменты развития разговора цели коммуникантов могут совпадать, а в какие-то другие моменты быть противоположными. Помимо этого, цель диалога может определяться тем говорящим, который имеет коммуникативную инициативу в каждый данный момент.

Относительно цели диалога можно определить и иллокутивную тактику диалога, которая будет тем более насыщена неартикулируемыми значе-

ниями, чем меньшее число реплик требуется для достижения цели одного или обоих участников общения. Иллокутивная тактика будет определять число речевых шагов по отношению к коммуникативной цели говорящего. Движение реплик в диалоге и иллокутивная тактика не имеют однозначного отношения к кооперативности/некооперативности общения. Некооперативные реплики, как будет показано ниже, не обязательно замедляют диалог.

Для измерения «темпа» диалога можно предложить следующее правило: чем больше прагматических связей между репликами диалога, тем меньшее количество речевых шагов требуется для достижения коммуникативной цели в данном диалогическом обмене. Дело в том, что прагматические правила определяются немymi знаками, которые позволяют избежать артикулирования излишних подробностей и снять возможные предполагаемые вопросы. Так, например, в диалогическом обмене вида А. *Ты летишь в Эдинбург?* Б. *Летчики бастуют* «скорость» диалога в общем выше средней, так как позволяет вывести ответ *Нет* без его вербализации, а также ответить на предвосхищаемый следующий вопрос *Почему?* Разумеется, «скорость» диалога может определяться несколькими факторами, например, близким знакомством коммуникантов друг с другом. Так, диалог двух хорошо знакомых людей может быть настолько насыщен подразумеваемыми, но непроизносимыми значениями, что посторонний человек его просто не поймет.

Во всех рассмотренных выше типах вопросительных высказываний с вмененными иллокутивными функциями «темп» диалога будет выше среднего при ответе на имплицитную иллокутивную функцию, так как это автоматически означает ответ и на эксплицитно выраженный коммуникативный стимул, средним* при ответе на эксплицитную иллокутивную функцию и низким при ответе не на коммуникативный фокус высказывания. Приведем следующие диалогические единства (пример взят из пьесы М. Булгакова «Бег», действие III, сон шестой): 1. «Замедление» диалога (искусств, пример): А. *Денег нет?* Б. *А почему ты спрашиваешь?* А. *Хочу знать.* Б. *Ну, нет...* А. *Возьми у меня.* Б. *Не надо денег.* 2. Стандартное развертывание диалога (искусств, пример): А. *Денег нет?* Б. *Нет.* А. *Возьми у меня.* Б. *Не надо денег.* 3. Компрессия диалога за счет предвосхищения реплик собеседника (пример из пьесы): Хлудов. *<...> Денег нет?* Голубков. *Не надо денег.*

Компрессия диалога не всегда оправдана, так как, во-первых, собеседник может просто не «успеть» правильно интерпретировать реплику говорящего (см. пример выше); во-вторых, сам говорящий может ошибаться в отношении коммуникативных намерений адресата, напр.: Wife. *Will you be home early tonight?* Husband. *When do you need the car?* Wife. *I don't, I just wondered if you'd be home early* 'Жена. Ты сегодня вечером рано будешь? Муж. Когда тебе нужна машина? Жена. Мне она не нужна, я просто хотела знать, когда ты будешь дома' (Milroy 1984, 25).

В общем, можно заметить, что в вопросно-ответном диалоге не прямые ответы, например, в большинстве случаев «ускоряют» диалог, предвосхищая следующую реплику собеседника, тогда как цитатные вопросы, переспросы, встречные вопросы, напротив, мешают достижению коммуникативной цели одного из участников.

5. Приоритет прагматических диалогических связей в ответах на косвенные и гибридные речевые акты. Реальный диалог в большинстве случаев характеризуется двумя типами связей - синтактико-семантическими, которые обеспечиваются языком как системой, и коммуникативно ориентированными, которые определяются неартикулируемыми знаками. При наличии прагматических связей скрытый коммуникативный стимул при-

* Средний «темп» - при котором не нарушаются постулаты Грайса.

обретает главенствующее положение. Реакция на имплицитную иллокутивную функцию, как правило, достаточна даже в том случае, когда эксплицитно выраженная коммуникативная задача при реплицировании игнорируется. Реакция на эксплицитно выраженную иллокутивную функцию в большинстве случаев является некооперативной и в вопросно-ответном диалоге представляет один из типов уклонения от ответа.

Отношение числа реплик в диалогическом блоке к цели одного или нескольких участников общения определяет иллокутивную тактику и темп диалога, который обычно тем выше, чем большее число прагматических связей имеется между высказываниями, составляющими диалогический комплекс.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [1944]. М., 1955.
Бахтин М. М. Из архивных записей к работе «Проблемы речевых жанров» // Бахтин М.М. Собрание сочинений. М., 1997. Т. 5. С. 207-286.
Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Модальность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 109-153.
Голубева-Монаткина Н.И. Вопросы и ответы диалогической речи: Классификационное исследование. М., 2004.
Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 217-238.
Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 111-137.
Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005.
Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 333-348.
Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога // Изв. АН СССР. СЛЯ, 1982. №4. С. 305-313.
Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
Coulthard M. An introduction to discourse analysis. London, 1977.
Milroy L. Comprehension and context: successful communication and communicative breakdown // Applied sociolinguistics. London, 1984. P. 7-31.

Поступила в редакцию 15.11.06.

Александр Николаевич Кузин - аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания. Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор Н.Б. Мечковская.